

ОПЫТ БОРЬБЫ ОРГАНОВ БЕЗОПАСНОСТИ С ПОВСТАНЧЕСКИМ ДВИЖЕНИЕМ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В 1920–1930-х гг.

Аннотация.

Актуальность и цели. Ряд факторов, способствовавших развитию сепаратистских процессов на Северном Кавказе в 1920–1930 гг., сохраняет свое значение и в настоящее время. Повторяемость событий свидетельствует о существовании определенных закономерностей исторического развития. Цель работы – рассмотреть опыт борьбы с повстанческим движением и бандитизмом органов госбезопасности в 20–30-е гг. прошлого века на территории Северного Кавказа и обосновать его востребованность в контексте особенностей современных гибридных войн и силовых конфликтов.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе использования документов, извлеченных из фондов Центрального оперативного архива УРАФ ФСБ России. В архивных фондах изучены документальные материалы, содержащие приказы, положения, инструкции по организации борьбы с бандитизмом и повстанческим движением; обзоры о политическом состоянии и сводки о ликвидации банд на территории РСФСР; докладные записки о контрреволюционных повстанческих организациях на Северном Кавказе, о ликвидации и ходе следствия по делам контрреволюционных групп; распоряжения и сообщения о массовых выступлениях, положения дел и работе полномочных представительств ОГПУ по Юго-Востоку России (Северо-Кавказскому краю); оперативно-разведывательные сводки по борьбе с бандитизмом и др.

Результаты. Исследованы этапы борьбы с повстанческими вооруженными выступлениями, динамика и характер вооруженного бандитско-повстанческого движения, раскрыты основные формы, методы, тактика и направления деятельности органов государственной безопасности по выявлению, предупреждению и пресечению террористических проявлений, попыток создания бандитско-повстанческих формирований в изучаемый период.

Выводы. Изучение опыта борьбы с повстанческим движением и бандитизмом позволило раскрыть формы и методы активного повстанческого сопротивления, отразить особенности деятельности повстанческих бандформирований, показать основные способы предупреждения вооруженного повстанчества и противодействия ему органами государственной безопасности на Северном Кавказе, что позволит систематизировать полученный опыт.

Ключевые слова: гибридная война, международные террористические организации, бандитско-повстанческое движение, органы государственной безопасности, борьба за построение халифата.

О. Н. Dzhulay

THE EXPERIENCE OF SECURITY SERVICES STRUGGLING AGAINST REBEL MOVEMENTS IN THE TERRITORY OF THE NORTH CAUCASUS IN 1920s –1930s

Abstract.

Background. A number of factors contributed to the development of separatist processes in the North Caucasus in 1920s–1930s, it still retains its value now.

Repeatability of events testifies to the existence of certain laws of historical development. The purpose of the study is to consider the experience of counter-insurgency and banditry security organs in 1920s–1930s in the territory of the North Caucasus and to justify its relevance in the context of characteristics of modern hybrid wars and violent conflicts.

Materials and methods. The research tasks were implemented through the use of the documents extracted from the funds of the Operational Archives ADAP of Russian FSB. Among the archival collections the author studied documentary materials containing: orders, regulations, instructions on how to organize the fight against banditry and insurgency; reviews of the political state and reports on the elimination of gangs in the territory of RSFSR; memoranda of counter-revolutionary rebel organizations in the North Caucasus, on the elimination and investigation of cases of counter-revolutionary groups; orders and reports of mass protests, the situation and functioning of authorized representatives of OGPU in the South-East of Russia (the North Caucasus edge); operational and intelligence reports on the anti-gang struggle and others.

Results. The article considers the stages of combating rebel armed actions, the dynamics and nature of the armed bandit-rebel movement, reveals basic forms, methods, tactics and activities of the organs of state security of detection, prevention and suppression of terrorist acts, attempts to create bandit and rebel groups during the period under consideration.

Conclusions. The study of the experience of anti-rebel and banditry struggling has allowed to reveal the forms and methods of active insurgent resistance, particularly to reflect the activities of rebel gangs, show the main ways of preventing armed insurgency and counteracting it by public security authorities in the North Caucasus, which will make it possible to systematize the experience.

Key words: hybrid war, international terrorist organizations, gangster-insurgent movements, organs of state security, fight for caliphate establishment.

Понятие «гибридная война» в последнее время широко распространилось, даже стало модным, однако само это явление не ново. Гибридные, сетевые, полицентрические, нелинейные, ползучие войны, мятежевойны, дисперсные паравойны с участием обезличенных войск, частных военных и разведывательных корпораций, эскадронов смерти, инсургентов, добровольцев, наемников, комбатантов неопределенного генезиса становятся сегодня горячей темой, но это не означает, что данный феномен не был в свое время замечен и осмыслен. «В условиях начавшейся войны всех против всех следует ожидать возникновения многослойной всепланетарной системы, состоящей из национальных и религиозных, классовых и возрастных структур уничтожения людей. В наше время не применима прежняя классификация войн: мировая, региональная, локальная и вооруженный конфликт. Война теперь другая, для уничтожения противника широко используются не прямые действия, информационное противоборство, участие наряду с регулярными также нерегулярных вооруженных формирований», – писал более полувека назад профессор военных наук, последний начальник штаба корниловской дивизии Евгений Месснер [1].

Рождается феномен расплывчатых, диффузных войн, т.е. происходит радикальная модификация силовых акций и методов боевых действий, слияние субъектов и объектов операций. В этой связи необходимо отметить новый феномен – «Исламское государство» (ИГ), значение которого быстро

возрастает. Это уже не разветвленная подпольная организация наподобие «Аль-Каиды», а распределенное множество самоуправляемых территорий, подчиненных единому центру, эклектичные союзы *pro et contra*, переселение миллионов, «невидимые бригады», рассредоточенные в различных точках планеты.

В настоящее время на Ближнем Востоке усиливается давление на запрещенные в России террористические группировки «Исламское государство» и «Джебхат ан-Нусра». Однако вместо окончательной победы над террористами в Сирии и Ираке мир может столкнуться с угрозой расползания подпольных организаций по разным странам, в том числе в России. Специальные службы ряда стран уже официально отмечают попытки отдельных террористов переместиться с потоками беженцев подальше от Сирии, легализоваться в новых условиях. В последнее время в формулировках стратегических целей террористической организации ИГ появилась новая – необходимость создания идеологической и боевой перспективы. Некоторое изменение стратегии фактически означает, что руководство ИГ не видит возможности долгосрочного противостояния иностранным коалициям и приступает к всестороннему обеспечению подпольного будущего организации в условиях потери контроля на захваченных территориях [2].

Безусловно, это направление деятельности террористов коснется не только стран Ближнего Востока и Европы. Они попытаются создать и закрепить свои позиции в мусульманских регионах и анклавах России. С учетом слияния в ряде регионов страны криминала и достаточно сильного экстремистского исламистского подполья созданная система может быть предоставлена в распоряжение ИГ без дополнительной подготовки.

К структурам, способным достаточно эффективно работать в пользу международных террористических организаций, относятся анклавные сети, формирующиеся в относительно замкнутых общностях людей, компактно проживающих в иноэтничном и иноконфессиональном окружении и осознающих свое отличие от этого окружения¹. В анклавной структуре, представители которой достаточно тесно связаны с исламистскими структурами, сложилась активно действующая сеть, в рамках которой информационные потоки замкнуты на те ее элементы, которые способствуют «погружению» населения анклава в религию и доминированию религиозной идентичности над гражданской. Это в свою очередь создает условия для радикализации населения и его участия (в той или иной форме) в антигосударственной деятельности.

Нынешняя организация ИГ уже сегодня позволяет создать сотовую (пятнистую) систему подчиненности и построения власти, что позволит даже в неблагоприятных условиях обеспечить значительную маневренность и конспирацию мобильных боевых групп, в том числе и многочисленных.

И здесь уместно вспомнить, что в 1990-е гг. ряд территорий Северного Кавказа фактически был превращен в лагерь по подготовке террористов.

¹ Репрезентативными примерами анклавов являются, например, такие фактически моноэтничные татарские села, как Белозерье Ромодановского района Республики Мордовия, Средняя Елюзань Городищенского района Пензенской области, Шыгырданы Батыревского района Чувашской Республики и др. В качестве анклавов могут рассматриваться и целые административные районы, например Старокулаткинский район Ульяновской области.

В результате проведения контртеррористической операции в период с 1999 по 2009 г. основные силы бандформирований в Чеченской Республике, Дагестане, Ингушетии, Карачаево-Черкесии и некоторых других республиках были уничтожены, однако дестабилизирующие тенденции в этом стратегическом регионе Российской Федерации сохраняются. Изучение документальных материалов, относящихся к изучаемой проблеме, позволяет сделать вывод, что ряд факторов, способствовавших развитию сепаратистских настроений, в том числе на религиозной основе, среди народов Северного Кавказа в 1920–1930-х гг. сохраняет свое значение и в настоящее время. Именно поэтому возрастает интерес к исследованиям, раскрывающим опыт борьбы с бандитизмом органов госбезопасности в рассматриваемый период, который представляется актуальным в контексте особенностей современных гибридных войн и силовых конфликтов.

В период становления нового социально-экономического общества повстанчество и политбандитизм¹ представляли наибольшую угрозу мирному советскому строительству. На Северном Кавказе эта опасность исходила прежде всего из горных районов Чечни и Ингушетии – наиболее глухих и отсталых в экономическом отношении мест. Поэтому и меры, применяемые органами государственной безопасности к устранению этой угрозы, были направлены на выявление агентурным путем среди жителей этих местностей тех, кто является повстанцем или политбандитом.

Органы госбезопасности применяли в основном специальные (агентурно-оперативные, являющиеся основной составляющей разведывательной и контрразведывательной деятельности) меры борьбы с повстанчеством и бандитизмом. В содержание этих мер входило следующее: подбор и внедрение агентуры в организационные и боевые структуры повстанческого движения в целях выявления их состава и планов, а также в целях разложения; проведение специальных мероприятий (физическое уничтожение) против лидеров этих формирований; проведение агентурных комбинаций и операций; компрометация организаторов и идеологов повстанческого движения с помощью агентов; проведение чекистско-войсковых операций с применением вооруженной силы по согласованию с военным командованием и др.

¹ Понятие «политический бандитизм», нашедшее отражение в официальных документах органов советской власти в 1920–1930 гг., использовалось прежде всего в политических целях, чтобы подчеркнуть отличие от уголовного бандитизма, который имел место на всей территории Советской России как следствие войны. Большая Советская Энциклопедия (БЭС) (1930 г.) давала следующее определение этого термина: «Бандитизм политический – как зачаточная, неорганизованная форма вооруженной политической борьбы или как результат вырождения определенных политических движений является по большей части продуктом обострения классовой борьбы, достигающей степени гражданской войны». В энциклопедии указывалось, что это понятие не должно применяться в отношении крестьянских движений антисоветского типа, где «струя бандитизма всегда сильна, но носит отчасти политический, отчасти уголовный характер». Поэтому БСЭ характеризовала политический бандитизм как «узкие немассовые движения контрреволюционного типа, образующиеся, главным образом, из элементов деклассированных, анархо-кулацких и буржуазно-белогвардейских, для которых бандитизм, зачастую прикрытый политическими лозунгами, становится своего рода профессией. Поэтому бандитизм всегда носит более устойчивый характер, чем широкие стихийные движения крестьянства» [3].

Агентурно-оперативные меры приносили максимальный результат лишь тогда, когда они закреплялись социально-политическими, правовыми и войсковыми мерами. Поэтому не случайно, что районы, охваченные политбандитизмом и восстаниями, переводились на осадное и военное положения, где применялись крайние меры борьбы, руководители повстанческого движения и бандиты объявлялись вне закона. Советские, партийные, военные и чекистские органы вынуждены были широко применять репрессии: дома злостных бандитов предлагалось разбирать и затем сжигать, а лиц, предоставляющих приют их семьям, рассматривать как укрывателей бандитов. Это давало в то время определенный результат и облегчало агентурно-оперативную работу, поскольку агенты, рассчитывая на защиту со стороны органов госбезопасности их самих и их родственников, достаточно активно работали против повстанцев и политбандитов из другого тейпа или своих «кровников», что устраивало чекистов. Для стимулирования активности агентов широко применялся такой метод, как вознаграждение их за выполнение ответственных заданий (ликвидация авторитетных членов повстанческого движения или политбанды, их руководителей и т.п.) [4].

В целях борьбы с повстанческими выступлениями органы госбезопасности Северного Кавказа успешно проводили комплексные агентурно-оперативные мероприятия по внедрению агентов (как правило, из числа авторитетных религиозных деятелей) в повстанческие формирования. Это была небольшая по количеству агентура, но обладающая большими возможностями. С помощью таких агентов осуществлялось разложение повстанцев и политбанд, склонение руководителей повстанческих отрядов к отказу от продолжения вооруженной борьбы и т.п. Склонение к прекращению вооруженной борьбы основывалось на вайнахской традиции, согласно которой серьезные вооруженные действия не могли проводиться без предварительного получения «благословения» со стороны шейха-руководителя мюридского братства, в состав которого входили руководители повстанческого формирования или политбанды.

В исследуемый период были выработаны основные методы создания оперативных позиций в повстанческих формированиях (вербовка членов повстанческих групп и отрядов; «подстава» своей агентуры; перевербовка осведомителей повстанческих формирований и политбанд), отрабатывались методики борьбы с политбандитизмом. В 1921 г. грозненские чекисты вели разработку антисоветского подполья по делам «Красная Чечня», «Святые», «Грозные Тучи» и др. Так, по делу «Красная Чечня» чекистами была проведена работа по выявлению и пресечению деятельности группы чеченских националистов, «стремящихся к созданию Горской подпольной Республики Севкавказ без коммунизма и имеющих своих ставленников в среде Окружной чеченской власти» [5]. В ходе Чечисполком, Чечземком и др. под видом «савинковцев» были внедрены сотрудники органов госбезопасности. О трудностях, с которыми встречались в своей деятельности местные чекисты, видно из доклада Грозненского ЧК: «...чтобы это дело двинуть вперед, необходимо заручиться 8–20 хорошими сотрудниками, знакомыми с тактикой Савинкова¹, неполучение сотрудников тормозит разработку и угрожает провалом» [7].

¹ Савинков Борис Викторович (1879–1925) – активный участник контрреволюционного движения. Бежал за границу, где продолжал антисоветскую деятельность.

Успешная разработка многочисленных националистических группировок и повстанческих организаций была невозможна без использования органами госбезопасности на Северном Кавказе таких оперативных методов, как агентурное внедрение, оперативное наблюдение, образование ложных группировок, компрометация членов повстанческих группировок, прежде всего их лидеров, формирование у большинства населения негативного отношения к данным лицам. Следует отметить, что негласное сотрудничество отдельных руководителей повстанческих отрядов с органами госбезопасности не являлось компрометирующим фактом в глазах местного населения и членов этого отряда. Осознание невозможности искоренить политбандитизм только войсковыми мерами побуждало сотрудников органов госбезопасности изыскивать новые методы вербовок и внедрения в преступные группировки. Акцент стал делаться на выходцев из враждебной среды, при этом агенты зачастую использовались как провокаторы в контрреволюционной среде [8]. Успешная работа по этой категории агентов была возможна лишь при наличии у сотрудника, руководившего их работой, опыта, знания психологии и умения изыскивать и применять разнообразные приемы с тем, чтобы заинтересовать агентов сотрудничеством с органами госбезопасности (премиальная оплата, оказание иной помощи и т.п.). К работе в качестве агентов привлекались политбандиты (пришедшие с повинной, попавшие в плен) и соглашавшиеся работать на органы госбезопасности.

Так, в 1921 г. был завербован ряд главарей, таких как полковник Доко Кубатиев, ротмистр Зузанов, от которых Горчека стала получать ценные сведения о намерениях банд, действующих на территории Горской Автономной Советской Социалистической Республики (ГАССР). Одновременно применялся метод агентурного внедрения (так называемого «влития») в бандформирование своих людей, что давало возможность эффективной ликвидации конкретной банды. Например, горские чекисты внедряли своих людей в банды, «оперировавшие» в районе г. Владикавказа, «для детального выяснения связей, вооружения, численного боевого состава, целей и намерений бандитов, дабы в любой момент можно было предупредить всякие операции с их стороны» [9]. При этом местные чекисты полагали, что кроме секретных агентов и постоянных осведомителей необходимо приобретать временных осведомителей для «отдельных дел», а также осуществлять «оплату труда осведомителям Горского района» [10]. Пристальное внимание в своей работе чекисты обращали на ведение учета и наблюдение за категориями лиц, причастных к деятельности бандформирований (сообщниками, укрывателями, снабжающими бандитов боевыми и продовольственными припасами).

Органы госбезопасности в интересах противодействия политическому бандитизму зачастую применяли в отношении горского населения такие методы, как наложение круговой ответственности на тейпы, члены которых совершают налеты; введение системы взятия заложников из верхушки конкрет-

ность во главе «Народного Союза защиты Родины и Свободы». В 1921–1923 гг. подпольные ячейки этой организации имелись в Москве, Самаре, Саратове, Харькове, Киеве, Туле, Одессе и других городах. В результате оперативной игры ОГПУ был задержан в СССР. Осужден в августе 1924 г. В мае 1925 г. газеты сообщили о его самоубийстве [6].

ного тейпа (старейшин и представителей духовенства), спянного родовой дисциплиной [11].

5 мая 1921 г. Полномочное представительство ВЧК на Северном Кавказе разослало в местные ЧК циркулярное письмо, в котором указывалось на необходимость совершенствования чекистских аппаратов с учетом специфических особенностей края и улучшения работы агентурной разведки, прежде всего в местностях, охваченных бандитизмом. Так, для организации агентурного аппарата на местах органам по борьбе с бандитизмом предлагается:

1) завербовать и влить в общую агентуру специально подготовленных и способных к борьбе с бандитизмом агентов;

2) изучить «физиономию» местного бандитизма и на основании опыта тщательно проинструктировать агентов, таким образом сделав аппарат гибким и способным выполнить любую задачу;

3) подробно, регулярно и своевременно информировать центр о состоянии агентуры, о достигнутых ею результатах, а также и о всякого рода препятствиях и затруднениях в работе [12].

На прошедшей 21–23 июля 1921 г. первой конференции чрезвычайных органов ВЧК Юго-Востока России было отмечено следующее: «...борьба с политическим бандитизмом ведется тремя методами: первый метод – заложничество, который не дал существенных результатов, второй метод – разложение банд посредством секретной агентуры, результатов не наблюдалось, но секретные осведомители дают очень ценные сведения, третий метод – переговоры, после которых сдавалось до 25 человек и более, некоторые прибывали к нам из-за несогласия в банде» [13]. Но уже в январе 1924 г. на оперативном совещании ответственных работников Полномочного представительства Объединенного государственного политического управления (ПП ОГПУ) на Юго-Востоке России по борьбе с бандитизмом констатируется: «Считать необходимым максимальное усиление оперативно-агентурной работы по борьбе с бандитизмом путем создания ударных, комбинированных групп, объединяющих в себя все отрасли работы по борьбе с бандитизмом (оперативная, информационная, военная)... Именно отсутствие должной постановки этой стороны работы органов ГПУ сказалось на незначительных результатах борьбы с бандитизмом» [14].

Для борьбы с политбандами чекисты все активнее начинают использовать такие категории внештатных сотрудников, как информаторы и осведомители¹. Так, в 1922–1924 гг. органами госбезопасности были созданы резидентуры. В этот период происходит дифференциация функций информаторов и осведомителей. Информаторы получали задания по выявлению пособников, мест нахождения и маршрутов движения политбанд, источников снабжения их оружием и продовольствием. Кроме того, информаторы сообщали о настроениях различных слоев населения, выявляли факты влияния на них контрреволюционных элементов.

Анализ архивных материалов и документов показывает, что:

1) агентура информировала органы государственной безопасности о планах и намерениях руководителей сепаратистских организаций, о местах

¹ В качестве информаторов вербовались главным образом лица, работавшие в различных учреждениях и общественных организациях. Осведомителей, как правило, приобретали из социально чуждой среды.

дислокации вооруженных формирований, их количественном составе, вооружении и пособнической базе;

2) с помощью агентуры проводились оперативные мероприятия по разложению политических организаций и вооруженных формирований сепаратистского движения, подводились под оперативный удар формирования повстанческого движения, их участники склонялись к явке с повинной.

Так, путем внутреннего разложения и склонения участников к добровольной сдаче осенью 1923 г. чекистам удалось ликвидировать несколько банд, действовавших в Чечне и Дагестане. В 1923 г. полпред ОГПУ Юго-Востока России Е. Г. Евдокимов докладывал, что бывшие главари банд Шидаяев и Парчаев, сдавшиеся властям, оказывают помощь в склонении других бандгрупп к добровольной явке. Также он сообщал, что в г. Ростов в сопровождении Т. Эльдарханова приехал «виднейший организатор Хуссейн Эффенди, добровольно сдавшийся Чечревкому». По мнению Евдокимова, добровольная явка главарей была следствием перемены в настроении чеченских масс [15].

В то же время необходимо отметить существование проблем, которые отрицательно влияли на эффективность борьбы с бандитизмом:

1) в агентурной работе не было учтено то обстоятельство, что вербовка агентуры, предназначавшейся для борьбы с подпольем, требовала особого подхода, поскольку специфика агентуры этой категории заключалась в том, что хотя она и приобреталась в основном из лиц, лично не имевших никакого отношения к сепаратистам и их движению, но через обширные родственные связи во многом от них зависела. В то же время существенным фактором, влиявшим на качество агентурно-осведомительной работы, являлось то, что в основной своей массе горское население практически не владело русским языком, что значительно ограничивало вербовочную среду;

2) большая часть лиц, внедренных в сепаратистское подполье, по своим личностным качествам и степени подготовки были непригодны для его разработки и зачастую становились на путь предательства.

Знакомство с основополагающими документами ОГПУ, которыми руководствовались чекисты, позволяют сделать вывод, что они были составлены с учетом опыта работы, накопленного после Гражданской войны. Работа всех звеньев аппарата ОГПУ на местах позволяла в большей или меньшей степени держать под контролем процессы, связанные с развитием повстанчества и бандитизма. Однако насильственная коллективизация привела к массовому антиправительственному движению крестьян [16].

Массовое сопротивление значительной части сельского населения означало наступление новой фазы борьбы, потребовавшей коренной перестройки работы органов ОГПУ. Была максимально усилена агентурная работа, создана специальная агентура для использования в борьбе с бандитизмом, в районах, где проявления бандитизма особо значительны, выделены специальные оперативные группы для борьбы с повстанчеством и бандитизмом [17].

Для создания надежного, квалифицированного агентурного аппарата необходимы были вербовки агентов из числа участников банд, пособников, связников и близких родственников членов банд. С этой целью практиковалось взятие в заложники семей активных бандитов, вынуждавшее последних добровольно являться в органы государственной безопасности, активно ис-

пользовался при вербовке агентуры и институт кровной мести. «Кровники» часто использовались для розыска дислокации банд. Использовалось также маршрутирование опытных проверенных агентов с надежной легендой в районы действия банд. Легенда должна была содержать сведения, которые могли заинтересовать бандитов и выдержать проверку. Линия поведения агента должна была строго соответствовать легенде, разработанной на основе естественных, подтверждающихся любой проверкой данных. Для розыска месторасположения банд также часто использовалось создание небольших оперативных залегендированных групп численностью пять-шесть человек. После получения информации о точном месторасположении бандформирования готовилась чекистско-войсковая операция.

Применение в ходе борьбы с повстанчеством и бандитизмом только агентурно-оперативных мер не давало желаемого эффекта. Указанные меры составляли первооснову для выработки тактики проведения чекистско-войсковых операций (ЧВО)¹. Безусловно, практическому применению опыта проведения ЧВО должно предшествовать его критическое и творческое осмысление. Также следует учитывать, что из-за недостаточности и разобщенности имеющихся архивных материалов о деятельности органов ВЧК-ОГПУ в годы гражданской войны и в первые годы существования советской власти представить полноценный анализ масштабов контрреволюционных выступлений, сил, участвовавших в них, и проведенных чекистско-войсковых мероприятий не представляется возможным.

Анализ архивных материалов и документов позволяет сделать вывод, что чекистско-войсковые операции являлись, как правило, заключительным этапом оперативных мероприятий органов государственной безопасности и проводились в тех случаях, когда задача по ликвидации повстанческих вооруженных формирований не могла быть решена без привлечения войсковых частей.

Чекистско-войсковые операции представляли собой сочетание агентурно-оперативной работы с профилактическими мероприятиями, политико-пропагандистской работой и непосредственным участием в проводимой операции войсковых частей.

Такого рода операции применялись:

а) при ликвидации крупных повстанческих движений и бандитских формирований, деятельность которых охватывала значительную территорию района, области и т.д.;

б) в случае необходимости задержания выявленных бандитов или необходимости репрессирования и массового переселения жителей определенной местности в другие регионы страны².

Подготовка и проведение чекистско-войсковой операции являлись одним из сложных способов решения оперативно-боевых задач по ликвидации повстанческих вооруженных формирований, для осуществления которого

¹ В настоящее время под чекистско-войсковыми операциями понимаются специальные операции.

² Чекистско-войсковые операции подобного рода являлись массовыми операциями и выполнялись органами государственной безопасности по специальному решению правительства.

требовалось следующее: проведение большого объема оперативных и следственных мероприятий; привлечение значительного количества сил и средств; развертывание действий войск на большой территории и труднодоступной местности в течение длительного времени. Многое зависело от масштабов и значимости решаемых задач, тактики и характера действий вооруженных формирований сепаратистского движения, состава сил и средств, которыми располагали органы государственной безопасности на первом или втором этапе борьбы.

Рассматриваемый в данном исследовании период борьбы с повстанческими вооруженными выступлениями и бандитизмом можно условно разделить на два этапа.

Первый этап (1921–1926 гг.). Учитывая многочисленность и организованность антиправительственных выступлений, при непосредственном проведении чекистско-войсковых операций основную роль играли армейские части. В свою очередь чекистские подразделения, участвуя в войсковых операциях, внедряли агентуру в банды, уничтожали их главарей, разлагали бандформирования изнутри, разоружали население.

На втором этапе борьбы (1927–1941 гг.) органы госбезопасности решали поставленные задачи собственными силами и средствами, активно используя агентурный аппарат. Помощь частей и подразделений Красной Армии оказывалась лишь в случае необходимости.

Как указывалось выше, бороться органам государственной безопасности с повстанческой деятельностью, если она принимала массовый характер, было достаточно сложно. В таких случаях прибегали к использованию войсковых сил и средств. В 1922 г. были заложены основы использования войсковых сил и проведения оперативно-боевых мероприятий, в которых учитывались сложности реального сочетания возможностей оперативных и войсковых подразделений в розыске и ликвидации конкретного повстанческого формирования [18].

Тактика борьбы с повстанческими вооруженными формированиями на Северном Кавказе в начале 1920-х гг., как правило, сводилась к вытеснению обнаруженных банд в горы и рейдовым действиям по районам, где они были выявлены. Однако подобные действия не давали желаемого эффекта.

Для проведения в период с 28 марта по 10 июня 1932 г. чекистско-войсковой операции по ликвидации так называемого ножай-юртовского восстания были привлечены следующие силы: Чеченский областной отдел ОГПУ, взвод полка особого назначения (300–350 бойцов); оперативно-войсковые отряды (50–80 человек), а позже – крупные войсковые соединения.

Локализации восстания и в некоторой степени пассивности повстанцев способствовали действия оперотрядов, и к 1 апреля 1932 г. восстание было подавлено. Считая задачу разгрома основных бандповстанческих скоплений законченной, руководство ОГПУ приняло решение развернуть в пораженных бандитизмом районах сеть оперативно-войсковых групп со следующими задачами:

а) установление и ликвидация бандповстанческих групп;

б) форсирование агентурно-разложенческой работы по отрыву спровоцированной части бедняцко-середняцкой массы населения от бандповстанцев наряду с проведением массово-разъяснительной работы по партийной линии;

в) изъятие идеологов и организаторов повстанческой организации, а также кулацкого актива;

г) изъятие оружия.

К 20 апреля 1932 г. поставленная перед чекистскими отрядами задача в основном была выполнена. Однако восстание в Ножай-Юртовском районе спровоцировало активизацию повстанческих настроений среди населения других горных районов. В результате этого в рамках ножай-юртовской операции была проведена чекистско-войсковая операция в Шаро-Чеберлоевском, Итум-Капинском и Галанчожском районах Чеченской автономной области, которая закончилась только 10 июня 1932 г.

В ходе проведения чекистско-войсковой операции при ликвидации ножай-юртовского восстания 934 повстанца было арестовано, 319 – убито, изъято 1498 единиц различного огнестрельного оружия [19].

Основными недостатками и ошибками оперативного руководства операцией и войсковых командиров, в результате которых повстанцам удавалось блокировать разрозненные оперативно-войсковые отряды и безнаказанно действовать до 28 марта 1932 г. (до ввода в район крупных войсковых соединений), являлись:

а) отсутствие четкого руководства оперативно-войсковыми отрядами;

б) безынициативность руководства, нерешительность, боязнь развертывать интенсивные боевые действия;

в) отсутствие связи между оперативно-войсковыми отрядами и плохая связь со штабом;

г) отсутствие налаженной агентурной разведки, вследствие чего оперативно-боевые отряды органов госбезопасности осуществляли боевые действия вслепую, не зная сил противника и его расположения.

При проведении расследования по факту данного вооруженного восстания был выявлен наиболее существенный недостаток в деятельности местных органов госбезопасности: отсутствие системы заранее продуманной и подчиненной единой цели агентурно-оперативной работы на Северном Кавказе (особенно в Дагестане, Чечне, Ингушетии и Кабарде), что не позволило заблаговременно вскрыть существовавшую межнациональную повстанческую организацию, действовавшую на указанной территории.

Анализ результатов общих (широкомасштабных) и частных (в масштабе одного селения, района) чекистско-войсковых операций, проведенных на Северном Кавказе в интересах борьбы с вооруженными повстанческими выступлениями и бандитизмом в исследуемый период, позволяет систематизировать полученный органами госбезопасности опыт, который, несомненно, востребован и в настоящее время.

Чекистско-войсковые операции обычно проводились способом поиска в блокированном районе или в неблокированном районе, а также способом окружения.

В зависимости от полноты данных о повстанцах, наличия сил и средств, объема времени, отведенного на планирование и проведение операции, а также характера местности избирался вид поиска в блокированном и в неблокированном районе. Поиск мог быть сплошным или выборочным.

В основе *сплошного* поиска лежит осмотр всей местности в районе операции. При осуществлении *выборочного* поиска производится осмотр

отдельных участков в районе операции (например, отдельно стоящих зданий, хуторов, известных пещер, кошар, мест наиболее вероятного устройства схронов и т.п.).

Темп поиска в оперативно-войсковой операции всегда зависел от способов укрытия повстанцев и политбандитов; характера местности; плотности боевого порядка группы поиска; условий видимости и времени года; наличия у личного состава опыта ведения поиска; времени, отведенного на операцию.

Чекистско-войсковые операции *способом окружения* проводились при наличии точных данных о месте укрытия повстанцев. Эти операции широко применялись в 1920–1932 гг., когда повстанцы действовали сравнительно большими группами и укрывались в основном в населенных пунктах (хуторах, аулах). В случаях, когда повстанцы или политбандиты уходили в глубокое подполье и скрывались в тщательно замаскированных местах (убежищах подземного типа, труднодоступных пещерах, участках гор и т.п.), операции *способом окружения* проводились только при условии точного знания места их дислокации. Для выявления точного местонахождения повстанцев или политбандитов использовались агенты-маршрутники, агентурные или агентурно-боевые группы, которые под разными легендами осуществляли поиск разыскиваемых и после установления их решали ту задачу, которая им ставилась (физическое уничтожение, точная фиксация мест укрытия и т.д.). Именно такими способами разыскивались и уничтожались в местах своего укрытия руководители повстанческих формирований¹.

Сущность операции, проводимой *способом окружения*, состояла в том, что изолировался не район, а место непосредственного нахождения повстанцев. Их изоляция от внешнего мира производилась не для обеспечения поиска, а для создания наиболее благоприятных условий, способствующих полной их ликвидации силами оперативных подразделений, производящих окружение, или резервом. При этом оперативное подразделение, производившее окружение повстанцев, имело с ними непосредственный визуальный или огневой контакт.

Следует отметить, что в ходе ЧВО непременно осуществлялось агитационно-пропагандистское и психологическое воздействие на повстанческое формирование, а также на население территории, где проводились операции. Сравнительный анализ планов ЧВО показал, что в их основе всегда было достижение следующих целей:

- а) изъятие главарей вооруженных повстанческих групп путем склонения их к добровольной явке;
- б) единовременное изъятие идеологов (организаторов) повстанческого движения;
- в) проведение широкой агитационной работы по разъяснению причин изъятия главарей и идеологов восстания и кампании по добровольной сдаче оружия с гарантией безопасности и обеспечения спокойствия;
- г) оздоровление аппаратов местной советской власти;
- д) социально-экономическая помощь местному населению.

¹ Хусейн Истамулов в январе 1935 г. установлен парной агентурно-боевой группой, состоящей из чеченцев, окружен опергруппой и уничтожен; Маирбек Шерипов разыскан и уничтожен в ноябре 1942 г. парной агентурно-боевой группой, состоящей из чеченцев.

Указанные цели достигались путем реализации заранее спланированных агентурно-оперативных, оперативно-боевых и политических мероприятий. В их проведении принимали непосредственное участие оперативный состав и агентура органов госбезопасности, командный и политический состав войсковых подразделений, республиканские и местные партийные органы.

При непосредственной подготовке к проведению операции конкретизировалась расстановка оперативных сил и средств, порядок их использования и решаемые ими задачи, а также принимались меры:

а) по активизации работы агентурно-оперативных сил и средств в направлении корректировки заданий агентам по объектам агентурной разработки и оперативного розыска; уточнению количества и качества сил и средств повстанческого движения и его подполья, в отношении которых планируется проведение операции, а также по уточнению местонахождения этих сил и средств, их основных и запасных баз, укрытий, схронов и т.п. При этом указывалось, где находятся их пособники, реальные возможности этих пособников в оказании помощи повстанцам и т.д.; корректировались способы связи с негласным аппаратом в целях повышения их устойчивости и эффективности использования;

б) недопущению утечки информации о плане и замысле операции; выявлению лиц, проявлявших интерес к предстоящей операции вне их служебной компетенции;

в) обеспечению собственной безопасности и безопасности негласных сил и средств, используемых в ходе операции, особенно тех, которые внедрены в повстанческое формирование и его подполье, подлежащие захвату или ликвидации;

г) проведению операции по пропагандистскому обеспечению и по оперативному прикрытию предстоящей специальной операции.

Деятельность органов Федеральной службы безопасности по борьбе с терроризмом и экстремизмом может быть эффективной лишь в том случае, если практические подразделения, работающие по данной линии, при планировании и разработке специальных операций будут учитывать опыт, накопленный отечественными органами безопасности. Опыт, приобретенный чекистами на Северном Кавказе в 1920–1930-х гг., должен быть востребован, поскольку, как уже отмечалось, террористам ИГ борьба за построение халифата видится как потенциально длительная конспиративная борьба завербованных лиц по месту их пребывания или жительства.

Список литературы

1. **Неклесс, А. И.** Гибридная война. Облик и параметры вооруженных конфликтов в XXI веке / А. И. Неклесс // Независимая газета. Независимое военное обозрение. – 2016. – 6 мая.
2. **Гришин, А. А.** «Исламское государство» эвакуируется в Европу и Россию / А. А. Гришин // Независимая газета. НГ-религии. – 2016. – 2 марта.
3. Большая Советская Энциклопедия. – М. : БСЭ, 1930. – Т. 4. – С. 606.
4. **Трифонов, И. Я.** Классы и классовая борьба в СССР в начале НЭПа (1921–1923 гг.) / И. Я. Трифонов. – Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1964. – Ч. 1. – С. 219.
5. Центральный архив Управления регистрации архивных фондов Федеральной службы безопасности (ЦОА УРАФ ФСБ) России. Ф. 1. Оп. 5. Пор. 587. Л. 7.

6. Плеханов, А. М. ВЧК-ОГПУ: Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921–1928 / А. М. Плеханов. – М. ; Жуковский : Кучково поле, 2005. – С. 311–313.
7. ЦОА УРАФ ФСБ России. Ф. 1. Оп. 5. Пор. 587. Л. 29–30.
8. ЦОА УРАФ ФСБ России. Ф. 1. Оп. 5. Пор. 587. Л. 3 об. – 4 об.
9. ЦОА УРАФ ФСБ России. Ф. 1. Оп. 5. Пор. 587. Л. 31 об. – 32.
10. ЦОА УРАФ ФСБ России. Ф. 1. Оп. 5. Пор. 587. Л. 1–1 об., 11–11 об.
11. ЦОА УРАФ ФСБ России. Ф. 2. Оп. 2. Пор. 523. Л. 114.
12. ЦОА УРАФ ФСБ России. Ф. 1. Оп. 6. Пор. 256. Л. 65.
13. ЦОА УРАФ ФСБ России. Ф. 1. Оп. 5. Пор. 1270. Л. 12 об.
14. ЦОА УРАФ ФСБ России. Ф. 2. Оп. 3. Пор. 523. Л. 109.
15. ЦОА УРАФ ФСБ России. Ф. 2. Оп. 3. Пор. 65. Л. 103–107.
16. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ : сб. докл. – М., 1997. – Т. 3. – Кн. 2. – С. 270–271.
17. ЦОА УРАФ ФСБ России. Ф. 2. Оп. 3. Пор. 44. Л. 196.
18. О порядке привлечения полевых войск для борьбы с бандитизмом : Приказ ГПУ от 10 марта 1922 г. № 6с // ЦОА УРАФ ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Пор. 41. Л. 207–211.
19. ЦОА УРАФ ФСБ России. Ф. 2. Оп. 5. Пор. 1. Л. 51–52.

References

1. Nekless A. I. *Nezavisimaya gazeta. Nezavisimoe voennoe obozrenie* [The independent newspaper. An independent military review]. 2016, 6 May.
2. Grishin A. A. *Nezavisimaya gazeta. NG-religii* [The independent newspaper. Religions]. 2016, 2 March.
3. *Bol'shaya Sovetskaya Entsiklopediya* [The Great Soviet Encyclopedia]. Moscow: BSE, 1930, vol. 4, p. 606.
4. Trifonov I. Ya. *Klassy i klassovaya bor'ba v SSSR v nachale NEPa (1921–1923 gg.)* [Classes and class struggle in USSR in the early NEP (1921–1923)]. Leningrad: Izd-vo Leningrad. un-ta, 1964, part 1, p. 219.
5. *Tsentrallyy arkhiv Upravleniya registratsii arkhivnykh fondov Federal'noy sluzhby bezopasnosti* [Central Archive of the Archive Registration Department of the Federal Security Service]. (TsOA URAF FSB) Russia. F. 1. Op. 5. Por. 587. L. 7.
6. Plekhanov A. M. *VChK-OGPU: Otechestvennye organy gosudarstvennoy bezopasnosti v period novoy ekonomicheskoy politiki. 1921–1928* [VChK-OGPU: Russian state security services during the period of NEP. 1921–1928]. Moscow; Zhukovskiy: Kuchkovo pole, 2005, pp. 311–313.
7. *TsOA URAF FSB Russia*. F. 1. Op. 5. Por. 587. L. 29–30.
8. *TsOA URAF FSB Russia*. F. 1. Op. 5. Por. 587. L. 3 ob. – 4 ob.
9. *TsOA URAF FSB Russia*. F. 1. Op. 5. Por. 587. L. 31 ob. – 32.
10. *TsOA URAF FSB Russia*. F. 1. Op. 5. Por. 587. L. 1–1 ob., 11–11 ob.
11. *TsOA URAF FSB Russia*. F. 2. Op. 2. Por. 523. L. 114.
12. *TsOA URAF FSB Russia*. F. 1. Op. 6. Por. 256. L. 65.
13. *TsOA URAF FSB Russia*. F. 1. Op. 5. Por. 1270. L. 12 ob.
14. *TsOA URAF FSB Russia*. F. 2. Op. 3. Por. 523. L. 109.
15. *TsOA URAF FSB Russia*. F. 2. Op. 3. Por. 65. L. 103–107.
16. *Sovetskaya derevnya glazami VChK – OGPU – NKVD – NKGB: sb. dokl.* [Soviet rural area in the view of VChK – OGPU – NKVD – NKGB: collected reports]. Moscow, 1997, vol. 3, bk. 2, pp. 270–271.
17. *TsOA URAF FSB Russia*. F. 2. Op. 3. Por. 44. L. 196.
18. *TsOA URAF FSB Russia*. F. 66. Op. 1. Por. 41. L. 207–211.
19. *TsOA URAF FSB Russia*. F. 2. Op. 5. Por. 1. L. 51–52.

Джулай Олег Николаевич

преподаватель кафедры, Институт
Федеральной службы безопасности
Российской Федерации
(Россия, г. Нижний Новгород,
Казанское шоссе, 2)

E-mail: zoxz777@yandex.ru

Dzhulay Oleg Nikolaevich

Lecturer, Institute of the Federal Security
Service of the Russian Federation
(2 Kazanskoe highway, Nizhny Novgorod,
Russia)

УДК 93/94

Джулай, О. Н.

**Опыт борьбы органов безопасности с повстанческим движением
на территории Северного Кавказа в 1920–1930-х гг. / О. Н. Джулай //**
Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные
науки. – 2016. – № 3 (39). – С. 26–40. DOI: 10.21685/2072-3024-2016-3-3